

тельно-исторический метод изложения В. И. Цинциус с очевидностью показывает, что цитата из «Философских тетрадей» В. И. Ленина об общем и отдельно приведена ею в своем предисловии вполне правомерно. Во всяком случае В. И. Цинциус своей книгой ярко показала, что плодотворная работа в области языкознания возможна лишь вне марровской антиисторической методики исследования, что «сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра» (Сталин).

Книга богато иллюстрирована таблицами, помогающими читателю разобраться в излагаемых языковых явлениях. Несомненно, что она будет встречена всеми языковедами с большой благодарностью. То же самое следовало бы сказать и о книге Г. М. Василевич («Очерки диалектологии эвенкийского — тунгусского языка», Учпедгиз, Ленинград, 1948, 352 стр.), подробно излагающей фонетические, грамматические и лексические особенности диалектов эвенкийского языка, классификация и сведения о которых даются автором впервые. Таким образом, книги В. И. Цинциус и Г. М. Василевич закладывают прочную научную основу для сравнительно-исторического изучения тунгусо-манчжурских языков

Г. Санжеев

Gunnar Jarring, Materials to the knowledge of Eastern Turki... with translation and notes: I. Texts from Khotan and Yarkand, Lund (Lunds Universitets Arsskrift, N. F. Avd. 1, Bd. 43, Nr 4), 1946. — II. Texts from Kashghar, Tashmalik and Kucha, Lund (Bd. 44, Nr 7), 1948.

Г. Ярринг — шведский тюрколог, известный уже своими трудами по уйгурскому и узбекскому языкам¹. На этот раз от него мы имеем в первой книге его «Материалов» уйгурские тексты на хотанском, главным образом, и яркендском наречиях с английским переводом и небольшими пояснениями под строкой.

Если на яркендском наречии у нас имеется немалое количество текстов², то на хотанском наречии их почти нет — и в этом, т. е. в хотанских текстах (стр. 3—135), большая научная ценность нового труда.

Г. Ярринг — хороший фонетист, а поэтому мне хочется отметить прежде всего тщательность и точность его записей; нечего, разумеется, говорить и о правильности его переводов.

Из области фонетики я отмечаю в записях Г. Ярринга наличие звука «ы», что иногда отрицалось в уйгурском языке. Например, «атыдын» от его лошади (стр. 68), «кылаган» сделавший, «кылып» сделавши, «башыдын» из его головы (стр. 68), «алып» взявши (стр. 72), «барып» пошедши (стр. 80, 89) и т. п. Добавочный звук «ш»: «ишкі» два, «ишкен» бывший (стр. 3, 18), «ишт» собака (стр. 51), «ишкрам» (арабск.) почтение, уважение (стр. 32). Особенность хотанского наречия в форме настоящего времени выражена очень мало: «деіту» говорит (стр. 81, 123, 124), но там же и «деіду» (стр. 81, 124, 128, 129).

Думаю, что в выражении «селамымны айке алса» (стр. 12—15) слово айке взято из арабского приветствия айке, и все это будет значить: если она примет мое приветствие: «над ней (мир)!» Г. Ярринг слово айке ставит в связь с арабским же айке расположение, привязанность и переводит my beloved (милая, любезная, любимая). А раньше этого Г. Raquette³ переводил это слово через food (пища, корм). Выражение salām алмак или алік алмак (принять или не принять приветствие) значит: отвечать или не отвечать ответным выражением: «и вам (тебе) мир!»⁴

При слове «нуруч» скалка (стр. 3) автор делает ссылку, что форма этого слова «ногуч» в Уйгурско-русском словаре Н. А. Баксакова и В. М. Насилова (М., 1939) для него является сомнительной. Но ср. форму «ногуч» в стеклографическом Уйгурско-русском словаре под ред. проф. К. К. Юдахина (М., 1938, стр. 547) и «варгуч» — в Русско-сартовском и Сартовско-русском словаре В. Наливкина и М. Наливкиной (Казань, 1884, стр. 90 и 242). Я не сомневаюсь в форме «нбгуч» (скалка). Значение хотанского слова «тапчурә» — растапливаться (о масле) Г. Ярринг считает doubtful (стр. 45) и сравнивает с «тувшә» — (у Махмуда Кашгарского): выступать (о поте). Но ср. у илийских уйгуров выражения: «тапчурәп тар ахты» — пот выступил каплями или: «тепчен тар ахты» (слышал от А. Ш. Шамиевой). Пожалуй, можно еще это слово сравнить с турецким «тепсер» — покрываться прыщиками. Закончу этот отдел своей заметки, что форма яркендск. «мәнгә (мне, стр. 141) довольно необычна

¹ См. «Библиография Востока», вып. 5-6, Л., 1934, стр. 102—104; «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 325—326.

² По фонетике яркендского наречия см. G. Morgenstierne, Gleanings from Turki Dialects, Studia septentrionalia, II, стр. 138—148.

³ Täji bilä Zohra, 1930, стр. 52—53, 106.

⁴ См. Л. Будагов, Сравнительный словарь, I, 1868, стр. 632. Ср. Das Kudatku Bilik, Th. II, St. Petersburg, 1900—1910, стр. 475.

(узбекск.?), а форма «карга» (ворона, яркендск., стр 143), конечно, книжна: ср. обще-уйг. «кага», k̄aga.

Тексты записаны Г. Яррингом в 1935 г. от уйгуров-караванщиков в Srinagar (в Кашмире, стр. III). Среди текстов народного характера (см., например, хотанские стихи, стр. 123 и далее.) имеются большие тексты и книжного происхождения. К числу последних относятся: «Таир и Зора» и «Хамра». «Таир и Зора» на уйгурском языке имеется на наречиях: илийских (или кульджинских) уйгуров, см. издание Н. Н. Пантусова⁵ и издание В. В. Радлова⁶, на кашгарском наречии в издании Г. Ракетта⁷, в рецензируемом издании — на хотанском наречии и еще небольшой отрывок (не опубликован) имеется у меня на лобнорском языке. «Хамра» — рассказ, иначе называемый еще женским именем «Хурлыка», тоже весьма распространенный среди уйгуров сюжет (см. «Образцы» В. В. Радлова, ч. VI, стр. 86 и след.) Под названием «Хурлыка» имеются две рукописи в Институте востоковедения Академии Наук СССР из собрания акад. С. Ф. Ольденбурга⁸. На узбекском языке мне «Хурлыка» известна в двух литографированных изданиях 1333 г. и 1326 г. мус.⁹ Вариант повести имеется на кавказско-татарском языке: «сказка о шахе Эманьшахе и его трех сыновьях»¹⁰.

Доланская песня (стр. 134, № 6) была уже напечатана в «Сборнике уйгурской словесности» (на уйгурском языке, арабским шрифтом), М., 1925, стр. 90.

Я не успел еще опубликовать вышеприведенные заметки, как получил (сентябрь 1949 г.) от Г. Ярринга уже второй выпуск его «Материалов...» с записями по кашгарскому и кучарскому наречиям уйгурского языка с переводом и небольшими примечаниями под строкой.

За это же последнее время (сентябрь 1949 г.) произошло и крупное событие в Синь-Цзяне (Китайском, или Восточном, Туркестане). Демократическая китайская армия освободила восточную часть этой провинции и столицу Синь-Цзяна — город Дихуа, или, иначе, Урумчи. А затем вскоре, 1 октября 1949 г. было объявлено об образовании Народной республики Китая. Все это, конечно, побуждает нас ближе познакомиться с населением Синь-Цзяна и его фольклором.

На кашгарском наречии уйгурского языка у нас имеется уже немало изданий для изучения [см. о них у меня в «Изучении живых турецких (т. е. тюркских) наречий Западного Китая»¹¹].

Но изданные Г. Яррингом тексты имеют для нас, советских тюркологов, особый интерес, так как они записаны в Кашмире (в Индии) от андижанца Рахимджана (стр. 115—116 и 135) и главным образом от Абдуллыджана (стр. 61—76, 130 и 132), жителя Кашгара, но уроженца нашего советского Намангана (в Фергане), и представляют собой тексты на смешанном узбекско-уйгурском языке или ферганско-кашгарском наречии, которые называются в Кашгарии «андижан-тюрки». Гуншар Ярринг пишет (стр. 4): «Ввиду улучшения общения между Кашгарией и Русским Туркестаном я полагаю, что влияние андижанско-тюркского наречия на кашгарский диалект будет увеличиваться». В «Советском востоковедении», V, 1948, стр. 325—326, я уже отмечал другую работу Г. Ярринга («The Uzbek Dialect of Qilich») как раз на таком же смешанном языке и от того же лица — кашгарца Абдуллыджана. Небольшое количество текстов дается Г. Яррингом на кучарском наречии (стр. 177—183)¹². Г. Ярринг записывал тексты главным образом от водителей караванов (стр. 3—4). Сюжеты его записей в этой второй книге — весьма известные вещи в фольклоре уйгуров всего Туркестана. Здесь и анекдоты муллы Насреддина, сказки о царях, о ворах, стихи и рассказы о паршивцах и ленивцах («таз», стр. 128, 158—159 и др.) Немного есть лирических стихов, пословиц, загадок и скороговорок. На стр. 126—128 (№№ 107—109) имеются стихи революционного содержания. Это по содержанию совершенная новинка в фольклоре уйгуров. Раньше в большинстве случаев ученым попадалась весьма шаблонная, по «чагатайскому» образцу, народная словесность. Теперь, вот, эти стихи из Кашгарии. Мне случалось слышать стихи революционного содержания в Хами, что было вызвано в свое время местными условиями (борьба хамийского князька с хамийским населением — комульдами). Можно отметить «местную» народную словесность у лобнорцев, содержанием которой является прославление своих знатных старых почетных родичей времени жизни путешественника на Лоб-Нор Н. М. Пржевальского

⁵ «Изв. общ. арх., ист. и этнограф.», XXV, 1909, Казань, стр. 30—48.

⁶ «Образцы...», ч. VI, стр. 180 и след., перевод стр. 236 и след.

⁷ G. Raquette, *Täji bilä Zöhra*, Lund — Leipzig, 1930.

⁸ См. «Изв. Акад. Наук», 1911, стр. 263.

⁹ «Изв. Акад. Наук, 1908, стр. 1302.

¹⁰ См. «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XLII, стр. 100—101. Ср. В. М. Жирмунский и X. Т. Зарифов, *Узбекский народный героический эпос*, М., 1947, стр. 512. Ср. еще туркменский вариант: «Антология туркменской поэзии», под ред. Б. Кербабаева и П. Скосырева, М., 1949, стр. 69—74.

¹¹ «Восточные записки», изд. Ленинградского института живых восточных языков, I, 1927, стр. 165—167. Еще: С. Е. Малов, *Материалы по уйгурским наречиям Синь-Дзяна*, сб. в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934, стр. 307—322.

¹² См. у меня небольшие тексты в ДАН — В, Ленингр., 1928, № 7, стр. 131—136; в сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, стр. 314—316; ср. «Записки Колл. востоковедов», II, вып. 2, 1927, стр. 400.

(1839—1888). Не носят шаблонного, «чагатайского» характера многие опубликованные образцы фольклора илийских уйгуров: Нозугум, Садыр — пальван и др.¹³ Наоборот, отмечу, что преимущественно старый фольклор имеется в немецком издании («als Manuscript gedrukt») уйгурских текстов проф. Казанского университета Н. Ф. Катанова¹⁴, а именно тексты (на турфанском и хамийском наречиях) книжного характера: о землетрясении (стр. 92—95), снотолкования (стр. 100—162), о двенадцатилетнем животном цикле, о годах и днях недели, о затмении солнца и луны, отрывки из мидийских книг и пр. Имеются записи современного характера, но они не носят фольклорного характера и довольно аморальны (стр. 42—46). Не обошлось здесь и без «таз»ов (т. е. паршивцев-плешивцев) (стр. 46—53)¹⁵. Все эти записи важны и интересны, главным образом, конечно, для изучения уйгурского языка и его диалектов.

Я уже не раз отмечал хорошее знание Г. Ярринга уйгурского языка. Но в большой работе, как рецензируемая, всегда могут оказаться некоторые недочеты, если на месте не выверить хорошенько и не проверить текст и перевод. К некоторым местам, которые Г. Ярринг отмечает одним, а иногда даже двумя знаками вопроса, там, где перевод у него не удался, и я своего перевода, при всем моем желании, предложить не могу. Например, я не могу исправить небольшой перевод на стр. 105, № 74. Песню на стр. 101, № 64 Г. Ярринг переводит: «Поезд (пайыз) идет с пыхтением и на боку у него фонарь». Я не сомневаюсь, конечно, что слово пайыз или паиз (< русск. «поезд») означает на кашгарско-уйгурском наречии и «железную дорогу»¹⁶.

Но данную песню я бы перевел совсем по-другому. Я слышал в Кашгарии эту песню с прибавлением к паиз еще слова «хан», а Паиз-хан будет женским именем (от арабск. фаиз — счастье, успех, благополучие и т. д.). Паиз-хан («счастье — женщина»). Мой перевод будет: Паиз-хан (куртизанка) идет с шумом-гамом и на боку ее висит фонарь (в китайских городах по ночам без фонаря ходят только воры, преступники и разные подозрительные люди). Мой перевод тогда хорошо будет соответствовать следующим в этой песне двум строчкам.

Некоторые неверности есть еще в переводах на стр. 84, № 18 и стр. 161, № 3 (ср. стр. 171, № 30). Слова «шайу шепер» (стр. 148) я бы не переводил «шелковые шальвары», а только: «(у молодца за поясом заткнуты) разные материи». На стр. 94, № 44 вместо «обращаясь с просьбой к иным людям» следует перевести «обращаясь с просьбой к рыбам», т. е. вместо «бблек» следует «белік (рыбы). Этот стихок (о рыбах) очень употребителен, см. его, например, у Н. Н. Пантусова в «Таранчинских песнях»¹⁷ и в «Образцах народной уйгурской литературы» (М., 1925, стр. 112).

Для меня несомненно, что слово бātālāimān (стр. 101, № 63), которое у Ярринга сопровождается двумя знаками вопросов и оставлено без перевода, будет персидско-арабское bitālī — несчастный. Это значение к данному тексту очень подходит. Ср. Рабгузи, Казань, 1859, стр. 329 и 273. А на стр. 65 ātkat будет народное произношение арабского слова «itīkad» — доверие, искренность, а не иттифак — согласие. Слова «лашмак» в кашгарском наречии нет (стр. 137). Это слово Ярринг напрасно отделяет от тохмак (тохмаклашмак — бить колотушкой).

В настоящее время составляется в Академии Наук Казахской ССР в дунганско-уйгурском секторе уйгурский словарь (во главе составления: А. Ш. Шамиева, К. Х. Хасанов, проф. К. К. Юдахин, Н. А. Баскаков и др). Думаю, что, конечно, книги Г. Ярринга и упомянутые книги Н. Ф. Катанова будут использованы для этого словаря.

Следует отметить, что Г. Ярринг сообщает (стр. 5) о подготовке им уже третьего выпуска своих «Материалов» с текстами из оазиса Гума (Южная Кашгария), откуда никаких материалов по языку до сих пор не было.

Сер. Малов

¹³ Уйгурская народная словесность (на уйгурском языке арабскими буквами), Москва, 1925; С. Шакиржанов, Ujgur xəliq ədəbijati, Алма-Ата, 1936, под ред. К. Катанова.

¹⁴ См. «Volkskundliche Texte aus Ost Türkistan», II, aus dem Nachlass von N. Th. Katanov herausgegeben, Berlin, 1943).

¹⁵ Ср. Др. К. Менгес, Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan, aus dem Nachlass von N. Th. Katanov, Berlin, 1933.

¹⁶ См., например, «Dialogues in the Eastern Turki dialect»... collected by E. Denison Ross, London, 1932 и «Le Monde oriental», XXVIII, 1934, стр. 195 (рец. Г. Ярринга).

¹⁷ «Записки Русск. географ. об-ва по отд. этнографии», т. XVII, вып. 1, СПб., 1890, стр. 31 и 121.